

С.Б. Крих
Омский университет им. Ф.М. Достоевского

Социальный кризис и возможности его преодоления. М.И. Ростовцев о Римской империи

Казалось бы, наша эпоха находится в совершенно особом историческом измерении, в отношении которого все предыдущие периоды — неактуальны. Прошлое может послужить нам предметом забавы или средством удовлетворения генеалогического интереса, но оно более не поучительно в плане реальной политики или повседневной экономики; возможно, немного еще полезно в сфере культуры или в религии. Это, конечно, утрированное выражение того образа мысли, который тем не менее реально формируется в течение последнего столетия, начиная примерно от Ф. Ницше¹ и О. Шпенглера и продолжая Ф. Фукуямой².

Но отсылки к прошлому оказываются, хотим мы этого или нет, неотъемлемой частью любого мышления, если оно стремится стать научной системой. И в работах последних десятилетий, стремящихся дать объяснения не только культурным, а также политическим и экономическим феноменам современности, образ и опыт древности или Средних веков, стран Ближнего или Дальнего Востока, наконец, Европы или Америки периода становления капитализма присутствуют ничуть не в меньшей мере, чем могло бы показаться сторонникам идеи абсолютной уникальности нашей эпохи.

Творчество М.И. Ростовцева (1870–1952)³ прекрасно отражает такое положение вещей. С одной стороны, под его исследованиями и подходами неоднократно пыта-

Сергей Борисович Крих, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, специалист по истории и историографии Античности, автор монографии о М.И. Ростовцеве. E-mail: krikh@rambler.ru

¹ Речь идет, в первую очередь, конечно же, о «Рождении трагедии из духа музыки» (1871). Осмелюсь утверждать также, что ницшеанский «вызов античности» был в принципе неправильно воспринят, а его последствия оказались и вовсе прямо противоположны тому, что представлялось Ницше.

² Различие между Шпенглером и Фукуямой в том, что если первый воспринимает историю в циклическом ключе (с почти абсолютной замкнутостью циклов), то второй — в линейном, гегельянском. И если для Шпенглера античная культура — все-таки искаженный сценарий судьбы культуры западной (в своей несопоставимости она сопоставима), то для Фукуямы — просто набор символов, который можно использовать по желанию («варваров у ворот нет», бросает он нам).

³ Михаил Иванович Ростовцев — русский и американский историк Античности, на российском этапе творчества — исследователь колониальных отношений и южнорусских древностей, эмигрировал из России в 1918 г. С 1922 г. — в США. В первые годы эмиграции у него складывается концепция социально-экономического развития Римской империи и, отдельно, теория кризиса империи в III в., которая отражена в ряде трудов этого периода, главный из которых — «Социально-экономическая история Римской империи» (1926). В последующие годы Ростовцев будет дополнять свой труд для немецкого (1931) и итальянского (1933) изданий, а в 40-е даже начнет работу над вторым изданием на английском языке, но здоровье уже не позволит ему завершить ее, и посмертное издание 1957 г. выйдет без этих добавлений. Русский перевод работы сделан с немецкого издания и носит название «Общество и хозяйство в Римской империи» (2001).

лись подвести черту, пытались объявить, что не только решения, которые были им предложены, неактуальны, но неинтересны сами проблемы, привлекавшие его внимание. Как бывает с эпохальными научными трудами, часто их отвергали только потому, что такова была мода. А с другой стороны, как тоже бывает, — отвергая, их воспроизводили частично или даже по основной идее. И до сих пор, наряду с Гиббоном или Моммзенем, плохо читаемый или читаемый пристрастно, Ростовцев используется как солидный источник для обоснования тех или иных подходов, большинство из которых обращено к анализу настоящей действительности⁴.

Этому и посвящена наша статья: коль скоро отсылки к Ростовцеву как весомому исследователю античного общества продолжают играть свою роль в исследованиях, часто посвященных современным проблемам, тем важнее понять, что на деле хотел сказать историк, о чем он только намекал, а чего не говорил ни в коем случае, даже если так кажется отдельным авторам. Тем самым в нашей статье будет две части: анализ концепции и рассмотрение ее значения в русле обозначенной в названии проблемы.

Ниже мы попробуем рассмотреть основные понятия, используемые Ростовцевым в изложении его теории, общую логику социально-экономического (и политического) развития Римской империи, и поднять сложный вопрос об ответственности государственной власти, политических лидеров, масс и интеллектуалов в эпоху социального кризиса.

Касаясь терминологии, мы должны сначала указать на важную проблему изучения любой исторической концепции через призму анализа терминов. Очевидно, что при анализе чужой концепции исследователь вынужден проводить ее известную редукцию, сводя развернутые мысли автора к относительно простым формулировкам. Легче всего это осуществляется через выделение базовых терминов и построение из них логической системы. Важно, однако, учитывать, что такой подход не только в значительной степени субъективен, но, кроме того, несет опасность дальнейшего искажения в восприятии анализируемой концепции. Когда произведенный анализ концепции входит в учебники и коллективные труды, уже не сама концепция, а этот анализ становится основой для ее восприятия и критики; именно поэтому историкам, отделенным одним-двумя поколениями от исследуемой концепции, оказывается с ней очень легко «расправиться», указав на ее фатальные недостатки буквально одной фразой⁵.

Ростовцеву при таком подходе не повезло едва ли не больше, чем всем антиковедам последнего столетия, а ведь именно его методика работы наименее пригодна для того, чтобы изучать ее подобным образом. Если некоторые историки, осознавая неизбежность превращения их идей в стереотипизированные «ярлычки», сами идут навстречу такой тенденции, надеясь хоть отчасти проконтролировать будущую редукцию своих мыслей, то Ростовцев был этому принципиально чужд. Неоднократные попытки рассмотрения его методологии через анализ используемых им терми-

⁴ На Ростовцева ссылались и Х. Ортега-и-Гассет, и Ф. Хайек, ссылаются и современные экономисты. Из последних работ на русском см.: Алексеев В.В., Нефедов С.А. Гибель Советского Союза в контексте истории социализма // *Общественные науки и современность*. М., 2002. № 6. С. 66–77.

⁵ Так, например, поступает А. Кэмерон, когда в двух словах очерчивает причины устаревания концепций Гиббона и Ростовцева. См.: Cameron A. *The Mediterranean World in Late Antiquity*. L.; N. Y., 1993. P. 5. — «Оба видели “золотые” дни ранней империи по образу общества, которое они знали, — Просвещения XVIII в. или буржуазии конца XIX в.». С одной стороны, для таких фраз достаточно оснований, включая почти общее мнение предыдущей историографии. С другой стороны, дадим слово Ростовцеву, когда он пишет об эллинизме и ранней Римской империи: «Мы можем сравнить экономический облик этих периодов с обликом многих европейских стран в эпоху Ренессанса и после него, хотя такое сравнение ни в коей мере не будет безупречным, поскольку экономическое развитие Нового времени не исчерпывается формами экономического развития Античности». См.: Ростовцев М.И. *Общество и хозяйство в Римской империи*. СПб., 2001. Т. II. С. 241. — Когда Ростовцев пишет «после Ренессанса», речь, конечно, идет не о XIX в., а максимум о XVII в.

нов⁶ приводили к парадоксальным и, по сути дела, провальным результатам. Он никогда не обладал строгой терминологией и не возводил отдельных часто употребляемых им слов или словосочетаний в ранг особых понятий. Можно, конечно, в очередной раз сокрушаться по поводу того, что он нигде внятно не пояснил, что понимает под словами «феодализм», «капитализм», «буржуазия», «классовая борьба» и т.д. — но можно, наконец, принять это как особенность научного творчества. Терминология Ростовцева — образная и аналогичная, то есть исключительно условная, он называет античный капитализм таковым не потому, что не видит различий между ним и современным, а потому, что наблюдает ряд очень характерных совпадений, которые, по его мнению, фиксируются не только в синхронистическом, но и в диахроническом плане, а долгие рассуждения о том, имеем ли мы право называть эргастерии фабриками и играли ли они ту же роль в «античном капитализме», что и в современном, он оставляет тем, кому это интересно, предпочитая изучать новый материал с помощью словных, но пока приносящих плоды определений.

Коль скоро мы отвергаем обязательность наличия строгой терминологии применительно к общей истории античного общества по Ростовцеву, мы должны отвергнуть таковую и касательно истории кризиса в Римской империи. Понятие «кризис III века», столь часто используемое по отношению к ростовцевской теории, им в чистом виде почти не употребляется, в любом случае, употребляется не чаще, чем определение «социальная революция» или «военная анархия». Точно так же можно только с оговорками согласиться именовать события III в. в трактовке Ростовцева «крестьянским восстанием» (отсюда и теория «крестьянского восстания») — достаточно прочитать основной комплекс работ историка по этому вопросу, чтобы было понятно, насколько приблизительным является для него и это обозначение.

Тем самым мы утверждаем, что схематический анализ концепции Ростовцева если и возможен, то в принципе неправилен и непродуктивен: создавая иллюзию большей научности, он на деле полностью уничтожает саму возможность адекватного понимания написанного историком. Единственный продуктивный вариант: воспроизведение хода мыслей ученого (что тоже далеко не очевидная задача, учитывая стиль его повествования и многовекторность изложения)⁷, анализ их звучания в контексте современной историографии и, возможно, современной истории.

Попробуем воспроизвести этот ход мыслей, опираясь на основные статьи по истории Римской империи, опубликованные в период 1922–1926 гг., и ряд монографических работ, написанных Ростовцевым⁸.

Прежде всего нужно пояснить, какими обстоятельствами, по мнению ученого, был вызван экономический прогресс империи в течение первых двух столетий ее существования. Главная роль в этом процессе принадлежала динамичному населению городов, чье стремление к преуспеянию и к свободному предпринимательству позволяло развиваться как самим городам, так и государству в целом. Можно сказать, что Ро-

⁶ Первая (и во многом образцовая) из которых: Reinhold M. Historian of the Classic World: a critique of Rostovtzeff // Science and Society. № 10 (1946). P. 361–391. — П. Андерсон также очень ясно формулирует основной упрек Ростовцеву: «его объяснение страдает от явного анахронизма его аналитических понятий». Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М., 2007. С. 84, прим. 100. — Получается, объяснение плохо не само по себе, а потому что слова неподходящие?

⁷ То есть нечто полностью противоположное тому подходу, который, например, применил А. Пиганьоль, разбирая объяснения упадка Римской империи: он пытался оценить не концепции историков, а отдельные их доводы, разбив их по собственным рубрикам («климатический кризис», «демографический», «финансовый» и т.д.). Ростовцев был «расташен» по разделам «политического», «экономического» и «интеллектуального» кризиса. См.: Pignaniol A. L'Empire Chrétien (325–395). P. 1972. P. 455–466, особенно P. 457, 459, 463.

⁸ Более подробный анализ см.: Крих С.Б. Упадок древнего мира в творчестве М.И. Ростовцева. Омск: ОмГУ, 2006.

стовцев понимает экономическое благополучие империи не в статическом, а в динамическом смысле: экономика развивалась не потому, что были идеально хорошие условия, а потому, что была постоянная тенденция к развитию. Нередко критики обрушиваются на представления Ростовцева об активном городском слое («античной буржуазии»), отмечая, что подавляющее большинство представителей обеспеченного класса горожан было связано не со свободной коммерцией, а с властными структурами, и не отличалось экономической предприимчивостью. Но Ростовцев и сам признавал, что достигшие благополучия слои были относительно инертной массой — оживление вносили новые предприниматели, выходявшие из низов общества, по словам историка, «аспиранты на богатство». Они точно так же стремились попасть в привилегированное сословие горожан (землевладельцев, живущих в городе и реализующих на рынке продукцию со своих вилл), как провинциалы стремились вступить во вспомогательные войска римской армии, чтобы потом получить римское гражданство. Цивилизация *полити* и *сives* в союзе с институтом армии открывала широкий и легальный путь для социального роста, обеспечивая стабильность имперских структур. Муниципии и армия — вот опора имперской власти в период ранней империи.

Специфика экономической и культурной жизни империи заключалась в противостоянии города и деревни, если понимать под деревней и городскую округу, и большие поместья. Рост муниципиев приводит к тому, что город стремится превратить деревню в свою округу, и деревня согласна с этим, в массах крестьянского населения появляется влечение к более высокому стандарту жизни. В деревне распространяется образование, расширение полисной цивилизации приводит к развитию городского ремесленного производства в провинциях. Все это дает императорской власти возможность укрепляться, поглощая и преобразовывая республиканские институты предыдущего времени.

Но эта система была устроена отнюдь не бескорыстно, и ее развитие происходило за счет эксплуатации городом собственной деревенской округи. Государство, которое взяло на себя часть функций *полмс*, эксплуатировало предприимчивый и динамичный город, а тот предпочитал перекладывать обязанности на свою округу; в частности, так перенаправлялся набор в армию.

Тем самым зреют условия для «восстания масс», которые достаточно получили от цивилизации, чтобы осознать свое унижение, но недостаточно, чтобы суметь преодолеть его мирным путем. Деревня восстает стихийно, без плана и идеологии, действуя через солдатское сословие. Развитие экономики к тому времени уже подтолкнуло провинции к сепаратизму, и любой внешний удар мог заставить их разочароваться в центральной власти; усиление эксплуатации снизило и без того невысокую покупательную способность массы, что ограничило экономический рост городов. Тяжелые внешнеполитические события III в. дают армии возможность манипулировать императорской властью, и солдаты интуитивно провоцируют внутриполитический кризис, не давая ему разрешиться до тех пор, пока не устанавливается иное государственное устройство. Теперь у императорской власти не осталось выбора: городское хозяйство было подорвано потрясениями III в., и ей пришлось опираться исключительно на деревню⁹, но деревне это не принесло ничего, кроме усиления эксплуатации: «в ужасной классовой борьбе этого века победителя не было вообще»¹⁰. Новое

⁹ Это не означает, конечно, будто городская экономика была полностью уничтожена, а город стал полностью бесполезен в структуре управления в период Поздней империи. Проблема была в ином: государство стремилось превратить муниципальную «буржуазию» (сословие куриалов) в неоплачиваемых чиновников, ответственных лично (не только своим имуществом, но буквально своим телом) за выполнение фискальных обязательств. — См.: Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. II. С. 191–196, С. 226–227. — Интересно, что, рассматривая «финансовый кризис», Пиганоль повторяет ту же самую мысль в том же контексте, несколько не упоминая тут Ростовцева. Pigniol A. L'Empire Chrétien. P. 459.

¹⁰ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. II. С. 208.

государство Диоклетиана и Константина хотя и было по форме устроено сложнее и разумнее ранней империи, по сути своей оказалось грубее и примитивнее (историк называет его «демократией рабов»¹¹), оно лишило население инициативы, а общество — способности к развитию. Попытки мелочного контроля над обществом со стороны администрации не приносили больших плодов, только усиливая коррупцию, поэтому стабилизация начала IV в. была только временной.

В историографии эта теория подверглась подробной критике именно в той составляющей, которая касалась изложения событий III в.¹² Было неоднократно отмечено, что тезис Ростовцева о наборе солдат в этот период преимущественно из деревни, а не из города, не доказан, что преувеличена отрицательная трактовка состояния империи в поздний период; наконец, что на представления Ростовцева о «крестьянской революции» в Риме повлияли события пролетарской революции в России¹³. Позднее М. Финли даст и более глубокую критику: неверно само понимание античной экономики, Ростовцев построил свою концепцию процветания буржуазии на очень узком материале¹⁴.

Но в любом случае концепция развития Римской империи отвергалась фактически без ее последовательного рассмотрения: либо она сводилась к частностям (события III в.), либо к более общим положениям (понимание Ростовцевым античной экономики). Между тем восприятие этой концепции далеко не так определено, как может показаться из ее критики. Не случайно уже А. Момильяно отмечал, что концепция постепенно развивалась и модифицировалась; впрочем, нам эта характеристика кажется недостаточной¹⁵. Позволим себе остановиться только на двух моментах, чтобы продемонстрировать этот тезис.

Вначале обратимся к последним страницам «Социально-экономической истории Римской империи». Рассматривая различные теории упадка Рима, Ростовцев последовательно разоблачает каждое из объяснений, постоянно указывая на один и тот же их недостаток: все они пытаются выделить одно базовое объяснение, что неправильно, и в любом случае это базовое объяснение не является исчерпывающим, ибо фиксирует следствие, но не говорит о причине. Оставим в стороне проявленную здесь историком своеобразную комбинацию позитивистского и неокантианского типов мышления (отрицание возможности одного объяснения в сочетании со стремлением дать именно такое объяснение¹⁶), посмотрим на направленность его мысли, что называется, в диалектическом аспекте¹⁷.

¹¹ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. II. С. 231.

¹² Современная англо-американская историография (П. Браун, А. Кэмерон, П. Гарнсей), кроме того, подробно критикует и образ Поздней империи, каковой представлен в работах Ростовцева, да и предшествующих историков в общем. Эта тема требует отдельного рассмотрения.

¹³ См.: Frank T. Rome and Italy of the empire. Baltimore, 1940 (An economic survey of ancient Rome. Vol. V). P. 302; *Idem*. Recent Work on the Economic History of Ancient Rome // Journal of Economic and Business History. 1928. Vol. I. P. 105–118; Heichelheim F. Rec. ad op.: The Social and Economic History of the Roman Empire. Von M. Rostovtzeff. Oxford: Clarendon Press; L.: Hamphrey Milford, 1926. XXVI u. 695 S. // Historische Zeitschrift. 1928. 137. S. 289–296; Starr Ch.G. The History of the Roman Empire. 1911–1960 // Journal of Roman Studies. Vol. 50. 1960. P. 149–160.

¹⁴ Сначала в статье: Finley M.I. Technical Innovation and Economic Progress in the Ancient World // Economic History Review. 1965. Ser. 2. Vol. 18. P. 42, а после и в знаменитой «Античной экономике» — см.: Finley M.I. Ancient Economy. Berkeley; Los Angeles, 1973.

¹⁵ Момильяно А.Д. М.И. Ростовцев // Мир историка: историографический сб. Вып. 1. Омск, 2005. С. 452–453.

¹⁶ Неудивительно, что это так запутывает исследователей. Так, Г. Альфельди дословно воспроизводит мысль Ростовцева о том, что отыскание одной причины кризиса невозможно, и тут же говорит, что ростовцевское объяснение через конфликт между городской буржуазией и сельскими народными массами недостаточно. — Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1979. S. 142.

¹⁷ Есть мнение, что Ростовцева следует причислить к «критическому позитивизму» (А.Н. Нечухрин), в таком случае, кстати, появляется возможность «связать» Ростовцева с «неопози-

Историк далек от вынесения окончательного приговора императорской власти или тем более массам населения. Они поступали так, как могли, сообразно со своими интересами и уровнем восприятия. В этом плане единственное объяснение упадка просто невозможно, потому невозможна и единая теория развития Римской империи; теория не может предшествовать написанию истории Рима и может лишь попробовать появиться после ее окончания. Это позитивистская часть. Но есть и неокантианская. Там, где нет единой причины глобальных перемен в обществе, причина может быть только одна — духовная, психологическая, касающаяся изменения общественного сознания. Это и позволяет дать Ростовцеву свое итоговое объяснение упадка античной культуры, сформулировав его, однако, в форме вопроса: «приговорена ли к упадку всякая культура, как только она начинает проникать в массы?»¹⁸.

Поучительно, что уже здесь Ростовцев, по сути, рассматривает вопрос о возможности государства и общества сознательно действовать в ситуации кризиса. Наша современность имеет свои ответы на этот вопрос: политологи советуют нам, как изучать процессы взаимодействия масс и элиты, ведут курсы «антикризисного управления» и т.д. Ростовцев, на наш взгляд, более реалистичен в своем понимании повседневной политики¹⁹. Настоящие государственные деятели не слишком свободны в своих поступках, и вряд ли им могут слишком помочь рекомендации интеллектуалов. Они вынуждены либо реагировать на меняющиеся условия, либо пытаться по возможности непротиворечиво упорядочить эти условия в рамках новой системы. Август и Диоклетиан — авторы соответственно ранней и поздней империи — не изобретали ничего нового, только удачно компоновали уже данные им элементы. Если эту мысль расширить до теоретических границ, попытки «антикризисного планирования» — не более чем самообман, создающий иллюзию свободных действий. Означает ли это, что свобода действий в политике отсутствует? В ответе на этот вопрос нам поможет рассмотрение второго момента.

На него указал сам Ростовцев: в заключающих абзацах своей истории он отсылает читателя к собственной статье «Закат античной цивилизации», опубликованной в 1922 г. на русском языке в эмигрантском журнале, никогда не пересказанной им ни на каком другом языке и до сих пор не изданной в России. Это была почти осязаемая ссылка на пустоту — Ростовцев сам неоднократно указывал на то, как мало на Западе читают на русском, и это похоже на очень странную для ученого того времени игру с кодированием текста, точнее, с кодированием теории.

Конечно, никаких абсолютных ответов нет и в этой статье, но некоторые ее аспекты очень интересны, особенно в русле той критики, которая досталась «Социально-экономической истории Римской империи». В статье историк прямо говорит о том, что события III в. были лишь выражением перемен, давно зреющих в недрах империи, и главное, произошло «постепенное психологическое перерождение, не вызванное экономическими и политическими условиями, а создавшее» их²⁰. Тут сказано очень многое: психология — это ведь вопрос восприятия и вопрос выбора, то есть сфера индивидуальной и общественной свободы; если причина кризиса в психологии, значит, он был преодолим? Но это уже наши домыслы, Ростовцев говорит в

тивизмом» его друга П.А. Сорокина, но, признаться, мы пока не чувствуем себя достаточно компетентными для того, чтобы легко ориентироваться в многочисленных трансформациях позитивистской мысли.

¹⁸ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство... Т. II. С. 245.

¹⁹ Чтобы убедиться в том, насколько здраво Ростовцев воспринимал современную ему политику, важно прочесть не столько его публицистические работы, сколько переписку. — См.: Скифский роман / под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997; Ростовцев М.И. Избранные публицистические статьи. М., 2002; *Он же*. Политические статьи. СПб., 2002. Также см.: Крих С.Б. Политическая публицистика М.И. Ростовцева // Исторический ежегодник — 2004. Омск, 2005. С. 219–223.

²⁰ Ростовцев М.И. Закат античной цивилизации // Русская мысль. 1922. Кн. 8–12. С. 10.

статье лишь то, что в настоящее время наука еще не готова изучать психологию масс в истории.

Все это очень трудно комментировать. Легче всего, конечно, дать историческое объяснение: в 1922 г. Ростовцев не нашел еще убедительных аргументов в пользу теории «крестьянского восстания» и поэтому говорил о каких-то необъяснимых культурных и психологических причинах; в 1923 г. он формулирует концепцию «крестьянского восстания» и увлекается ею²¹; в 1926 г. перекладывает часть ответственности на политику императорской власти, слишком грубо решавшей социальные вопросы; позже, когда теория подвергается критике, начинает говорить о вырождении буржуазии и ее неспособности эволюционировать по типу современной²². Объяснение такого рода если и возможно, то только при прямом невнимании к работам Ростовцева: различные элементы всех этих вариантов ответа рассеяны у него по работам разных лет, и перевес того или иного объяснения фактически ситуативный — в зависимости от того, какой теме посвящена статья или книга. Так что единственный ответ Ростовцева остается нарочито незавершенным, повисающим в воздухе.

Эти знаменитые итоговые вопросы Ростовцева, а точнее — знаменательное отсутствие итогового ответа — вызывало активное неприятие в течение ряда поколений. Разве может автор столь весомого (и часто столь убедительного) исследования остановиться перед последним выводом, отказавшись от суждения? Разве может создатель столь смелой (и, в скорректированном виде, до сих пор применимой) концепции не высказать последнего ее звена, отвернувшись от самой яркой точки? Разве не указывает это на авторские сомнения, не доказывает непродуманности концепции, неготовности самого историка до конца ее отстаивать — в общем, всего того, что позволит отвергнуть концепцию и оспорить результаты труда?

Но возможно и другое объяснение, исходящее из того, что смысл работы историографа не в отыскании противоречий (и особенно кажущихся) в работах историков, а все же в восприятии их как сложной целостности. Ростовцев не договаривает нам не потому, что ему нечего сказать, и не потому, что ищет эффектной концовки там, где у него нет глубоких мыслей, а потому, что здесь кончается его труд как историка — не случайно «Социально-экономическая история эллинистического мира» завершена сходными словами²³. Фатальное противоречие между общественными (объективными) условиями и возможностями индивидуальной (субъективной) свободы выбора отдельных индивидов может быть зафиксировано историком, но не может быть внесено им в концепцию — это вопрос психологии или социологии, а Ростовцев хорошо чувствовал грань, которую историку переходить не стоит. Историк не выписывает рецептов, он обязан удерживать себя от этого, но должен добиться такого результата, при котором само повествование скажет больше, чем любые выводы.

Тем самым последнее слово в концепции Ростовцева должно быть сказано читателями, нами самими. Естественно, оно может быть различным как у разных читателей, так и у одного, в зависимости от его интересов и специфики понимания, — и в этом нет ничего крамольного, в этом заключается неотъемлемая особенность любой гуманитарной науки. Предложим одну из возможных трактовок такого окончания, вполне уместную в рамках темы о путях развития современного российского общества.

На наш взгляд, одной из «маленьких трагедий» (но с большими последствиями) позднего римского государства в трактовке Ростовцева была невозможность иных

²¹ Rostovtzeff M. La crise sociale et politique de l'Empire romain au III-e s. apr. J.-C. // *Le Musée Belge*. 1923. T. 27. P. 233–242. — Перевод этой статьи можно будет увидеть в готовящемся к выходу VIII выпуске омского «Античного вестника».

²² Rostovtzeff M. The decay of the ancient world and its economic explanations // *Economic History Review*. 1930. Vol. II. P. 197–214; отчасти см.: Rostovtzeff M. *Social and Economic History of the Hellenistic World*. Oxford, 1941.

²³ Rostovtzeff M. *Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol. II. P. 1312.

поступков со стороны представителей императорской власти при почти полной свободе выбора с их стороны. Ничто не мешало Диоклетиану и Константину задать несколько иные параметры стабилизации империи (выбрать большую демократизацию вместо большего огосударствления), кроме них самих, их собственного мировоззрения. Но мировоззрение не является непреодолимым фактором на пути изменений, иначе бы в мире невозможны были вообще никакие изменения — вот что осталось недосказанным в концепции. Способность индивида (будь он крестьянин или император) преодолеть собственное мировоззрение зависит от его способности к рефлексии, умения посмотреть на себя со стороны, хотя бы помыслить, что необходимо дать непредвзятую самооценку. Только тогда у общества появляется шанс изменить свою судьбу.

Это первое звено цепочки, остальные можно обрисовать только вкратце. Способность к рефлексии возможна лишь там, где существует развитая традиция гуманитарной мысли, притом не в рамках узкословесной группы, а широко распространенная, иными словами, там, где развивается гуманитаристика и имеет стабильные основы гуманитарное образование. Гуманитарно ориентированным должен быть не только правитель, но и значительная часть социума, иначе этот социум оказывается заложником внешних факторов.

Разве это положение — не одно из самых актуальных для нашего общества? Очевидно, что развитие и реформирование России выглядит в планах нынешней власти (нередко и нынешних социологов) исключительно как процесс экономического и (особенно) технического совершенствования, который потом (почему-то) должен сам собой привести и к складыванию среднего класса, и к становлению гражданского общества. Технократизм, открытый или скрытый, означает отказ от самоанализа, прямолинейную веру в то, что новый человек может родиться из новых условий жизни, а гуманитарии этому прекрасному обществу нужны только затем, чтобы его граждане были патриотами и не забыли, как относительно грамотно писать.

Но не лучше ли гуманитариям вовсе удалиться в пресловутую башню из слоновой кости, заявив, что не стоит трактовать великих историков в социологическом плане? Нет — и прежде всего потому, что тогда трактовкой просто займутся другие люди. В этом отношении поучительным представляется пример другого крупнейшего антиковеда XX в. Мозеса Финли (1912–1986). В своей знаменитой статье «Античный город от Фюстель де Куланжа до Макса Вебера, и после него» он дает прекрасный очерк теорий городского устройства в Античности, с пафосом отмечая, что хотя объяснения К. Бюхера, В. Зомбарта или М. Вебера страдают социологизмом или от недостатка знания материала, но они верно формулируют саму проблему²⁴. Понимание античного города М. Вебером, кроме того, и вовсе приходится реконструировать, собирать по крупицам из малейших замечаний, рассеянных по его трудам²⁵. Финли готов идти на это, ибо чувствует недостаток теории, и даже мертворожденный примитивизм марксиста П. Андерсона²⁶ кажется ему предпочтительнее образного анализа Ростовцева²⁷. Финли — известный оппонент Ростовцева. Но если он

²⁴ Finley M.I. *The Ancient City: from Fustel de Coulanges to Max Weber and Beyond* // *Comparative Studies in Society and History*. Cambridge, 1977. Vol. 19. № 3. P. 305–327, особ. P. 321–322. — Краткий пересказ этой работы (без существенного анализа) можно прочесть у Безгубенко А.А. М. Финли: жизнь и научное творчество. Омск, 2003. С. 78–80.

²⁵ *Op. cit.* P. 318.

²⁶ В предисловии к русскому изданию профессор социологии (I) Г. Дерлугьян заявляет, что полезнее читать Андерсона, чем поэтическое фантазирование о духе цивилизаций (стрела, вероятно, летит в несуществующих последователей Шпенглера). — Дерлугьян Г. *Политэкономия античного Запада* // Андерсон П. *Переходы от античности к феодализму*. С. 10. — Для антиковеда, однако, обе этих крайности примерно одинаково бесполезны.

²⁷ Достаточно сравнить P. 310 и P. 324 указанной статьи Финли.

был готов приложить столько сил в выжимании из социологии идей для познания Античности, то что мешает нам приложить силы к получению из сочинений Ростовцева идей о жизни современного общества? Анализ Финли отразил увлечение социологией в XX в., и недаром сейчас раздаются голоса, утверждающие, что Финли завел изучение Античности в тупик²⁸, — так же, как социология завела в тупик понимание нашего общества. Может быть, пора вернуть истории ее законные владения?

Конечно, историки не могут гордо заявить, что их работа помогает гражданам не стать глупее и создавать лучшее общество, а даже если они так заявят, то не смогут написать достаточно убедительную формулу, которая бы обосновала это. Но нам кажется, что лучшие исторические труды (к числу которых относятся и монументальные монографии Ростовцева) убеждают внимательных читателей в одном: понимание истории не гарантирует ни правильного выбора, ни мгновенного прогресса, но оно оставляет саму возможность выбора в обществе, где слишком много параметров задано заранее, и они уже практически не зависят от индивидов. Коротко говоря, только знание истории оставляет возможность творить историю.

Как и любой крупный ученый, Ростовцев открывается нам постепенно. В 30-е гг. XX в. его теории воспринимались исключительно в аспекте его источниковедческой работы; более поздний анализ акцентировался на отдельных аспектах, стремясь упростить общий стиль его концепций. Выше мы предложили одну из трактовок, которая, смеем надеяться, может оказаться полезной как в познании стилей и параметров мышления историка, так и при оценке нашей действительности.

SUMMARY

Article is devoted to the problem of understanding M.I. Rostovtzeff's "crisis of the III century" conception in it connection with XX century historiography's evolution and with modern sociological theories and practice. Rostovtzeff conception's main point is a question of mass psychology in context of extending a high standard civilization to the lower classes. In modern Russia it has an analogy in problem of decline of humanitarian education and science, and represents a danger for social and political modernization.

²⁸ Ляпустина Е.В. История Римской империи: подходы и перспективы: метод. материалы к спецкурсу. М., 2002. С. 9.